

Семен Капустин

**Древнее русское
поручительство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С30

С30 **Семен Капустин**
Древнее русское поручительство / Семен Капустин – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-518-10221-7

ISBN 978-5-518-10221-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣдшая въ сравненіи съ вирой въ другихъ случаяхъ убійства^{*)}. И такъ если самая большая вира не предупреждала преступленія, то естественно полагать, что вира менѣе значительная еще менѣе могла достигать цѣли предупрежденія преступленій.

Третье. Воглянемъ внимательно на содержаніе тѣхъ статей Русской Правды, въ которыхъ видимъ вервь обязанною платить виру. Здѣсь намъ бросается въ глаза безпрестанное указаніе на помощь: *«того же дѣла имъ помочати головнику», «тому людѣ имъ помочати», «а отъ верви помочаю»,* и потому рождается вопросъ: если на общество было наложено общественною властію обязательство предупреждать преступленія, если определено было известное наказаніе въ видахъ побужденія къ исполненію такого обязательства, то къ чему платежъ обществомъ виры назвать исполнествованіемъ головнику и тѣмъ какъ-будто дать знать, что вервь вовсе не наказывается, а какъ-бы облегчаетъ только участь ближняго, уплачивая вѣстѣ съ нимъ виру?

Четвертое. Если будемъ держаться высказаннаго выше воззрѣнія на отвѣтственность общества, то мы ставимъ въ необходимость видѣть въ опредѣленіяхъ Русской Правды относительно платежа вервью виры отсутствіе всякой соразмѣрности, всякой справедливости: въ преступленіи не слишкомъ значительномъ общество несетъ отвѣтственность гораздо большую, нежели въ преступленіи гораздо важнѣйшемъ, наконецъ въ самомъ высшемъ преступленіи совсѣмъ остается въ сторонѣ: при убійствѣ въ свадѣ или на виру *«долоно»* вервь платитъ почти всю виру, при убійствѣ не въ свадѣ только половину виры, при убійствѣ въ разбоѣ—*«людѣ не платити»*.

Но разсматривая наказанія за всѣ другія преступленія по Русской Правдѣ, даже за самыя маловажныя преступленія, мы видимъ, что она чужда подобнымъ грубѣйшимъ недостаткамъ.

Опредѣленіе Русской Правды: *«ажь кто не вложитси въ дикую виру тому людѣ не помочати, но самъ платити»*, сильно потрясаетъ мнѣніе объ отвѣтственности общества платежемъ вервь, какъ о мѣрѣ полипейской, давая знать, что это общество составляетъ изъ добровольныхъ участниковъ, давая знать, что есть люди, только лично за себя отвѣтствующие. Могло ли правительство такимъ учрежденіемъ предупреждать преступленія, видѣть въ немъ залогъ спокойствія?

Сообразимъ, какіе предполагаемые результаты должны вытекать изъ подобной организаціи этого учрежденія: всѣ люди съ хорошимъ поведеніемъ соединяются въ такіа общества, напротивъ всѣ

^{*)} Мы ниже увидимъ ту соразмѣрность, съ которою определено количество виры сообразно случаямъ убійства.

люди съ дурной репутацией отторгнутся отъ него, потому-что первая вѣроятно не принута къ себѣ въ товарища людей подозрительныхъ, отъ которыхъ всегда можно ждать преступленій. Такимъ образомъ всѣ люди, за которыми бы нужно идти больше надзора, исключаются отъ всякаго надзора, люди же добрые, предположительно менѣе склонные къ нарушенію общаго мира, состоятъ подъ надзоромъ другъ друга. Все это сильно говоритъ противъ отвѣта, приведеннаго нами на вопросъ, какою необходимостью вызвано, съ какою цѣлью установлено учрежденіе общества, отвѣтствующихъ за преступленія ихъ членовъ: будто такое учрежденіе вышло изъ желанія законодателя предупредить преступленія и охранить общественный порядокъ. Помидемъ же другого разрѣшенія.

Руководясь мыслію, что большая часть явленій юридическихъ рождается бытомъ народа, представляется плодомъ различныхъ отклоненій и взаимодействій людей, среди которыхъ оны являютсѣ, мы рассмотримъ, не есть ли происхожденіе общества, платящихъ виру, слѣдствіе этого всемірнаго закона? Для этого взглянемъ на древній бытъ народовъ восточно-славянскаго племени и приведемъ изъ него нѣкоторыя черты въ томъ пространствѣ, въ которомъ это нужно для настоящаго случая.

По смѣдѣтельству большей части современныхъ намъ изслѣдователей русской исторіи бытъ Славянъ *родовой*. Все огромное славянское племя дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, эти племена слагаются изъ множества отдѣльныхъ родовъ, дагѣ дѣленіе превращается. Родъ слѣдовательно съ точки зрѣнія юридической является чѣмъ-то цѣлымъ. Именно оны представляется совокупностью лицъ фемическихкихъ, тѣсно связанныхъ между собою родствомъ кровными, состоящихъ подъ неограниченною властію старшаго, младѣющихъ одною общою собственностию. Подобный составъ общества даетъ право предполагать существованіе въ немъ слѣдующихъ отношеній: каждый родъ въ отношеніи къ другимъ родамъ считаетъ себя самостоятельнымъ цѣлымъ; отношенія между родами опредѣляются тѣмъ, что дѣйствіе одного члена рода считается дѣйствіемъ цѣлаго рода и на-оборотъ. Здѣсь слава одного изъ членовъ отражается на цѣломъ родѣ, безславіе одного покрываетъ собою всѣхъ, обидѣ, слѣдующая родичу, вызываетъ на мѣсть всѣхъ его ближнихъ.

Такой ходъ дѣлъ условливаетъ происхожденіе естественной необходимости отвѣтствовать всѣмъ членамъ рода за каждого изъ нихъ. Съ теченіемъ времени родъ расширяется въ своемъ объемѣ, умножается числомъ членовъ и естественно думать, что тѣснѣйшая связь между единицами, его составляющими, терается и вслѣдствіе

ного, не распадаясь въшкю, онъ разлагается внутренно, какъ-бы на нѣсколько новыхъ родовъ — малыхъ. Но эти послѣдніе не могутъ существовать по слабости своей самостоятельно, не могутъ составить понятіе рода въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ древнее юридическое воззрѣніе, по-этому они продолжаютъ являть собою въ совокупности одно цѣлое, составляютъ всё вмѣстѣ одинъ родъ.

Независимо отъ сознанія единства происхожденія общество, такимъ образомъ составленное, побуждается къ безпрестанному между собою единенію еще съ другой стороны. Именно, окруженное отовсюду такими же обществами, оно должно постоянно приходить съ ними къ столкновенію, которыя носятъ иногда на себѣ характеръ враждебный. Является необходимость оградить себя отъ несправедливыхъ дѣйствій другихъ родовъ, оно безпрестанно вынуждается сплачивать силы для защиты общихъ интересовъ. И такъ всё оглошеніе, которыя мы видѣли происходящими отъ сознанія единства происхожденія, какъ связи внутренней, отъ необходимости общаго соединенія для защиты общихъ интересовъ, какъ связи внешней, рождаютъ внутри общества мысль о братскомъ взаимопомощіи другъ другу въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Обществу, смотрящему на каждого изъ членовъ, какъ на вѣчто родное, близкое, трудно отказаться отъ внушенія совѣсти помочь ему, выручить его изъ бѣды, тѣмъ болѣе, что и онъ въ свою очередь, можетъ быть, стоять и будетъ стоять за общіе интересы. Замѣтнѣе при этомъ что замѣтили выше: общество, на такихъ условіяхъ составленное, вѣроятно предполагать, не потеряло юридическаго значенія рода, продолжаетъ разсматриваться со стороны другихъ родовъ чѣмъ-то цѣлымъ, слѣдовательно идея ответственности такого общества за каждого изъ членовъ продолжаетъ и здѣсь господствовать.

На основаніи всего сказаннаго мы предполагаемъ у древнихъ Славянъ существованіе нравственной обязанности общества отвѣчать за поведеніе членовъ, обязанности всѣхъ членовъ общества помогать другъ другу въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Остановимся же здѣсь и постараемся сообразить, какія явленія должны были имѣть мѣсто, при такомъ ходѣ дѣлъ, вслѣдствіе призванія князей, вслѣдствіе столкновенія элементовъ германскаго и славянскаго, изъ которыхъ одинъ является господствующимъ, а другой господству подлежащимъ.

Вѣроятно тотчасъ послѣ учрежденія въ землѣ славянской системы вѣрь князей открылись случаи для ея принятія къ дѣятельности. Какого же явленія мы должны теперь ожидать при соображеніи сказаннаго о бытѣ Славянъ? Съ преступника требуется штрафъ, онъ не въ силахъ его заплатить: естественно, должно предположить, что остальные родичи, проникнутые нравственной обя-

важною стоить другъ за друга, привыкшіе зло, терпимое однимъ, считать вломъ общимъ, протягиваютъ ему руку помощи, уплачиваютъ за него виру. Такіе случаи повторяются разъ, другой, третій: князь не видитъ въ такомъ обыкновеніи ничего для себя новаго и страннаго.

Всѣ народы въ періодъ младенчества имѣютъ много сходнаго относительно ихъ юридической жизни: рѣзкихъ національныхъ различій въ ней еще не существуетъ. Эта неоспоримая историческая истина отражается и на родахъ племенъ германскаго и славянскаго. Идея взаимной защиты, взаимнаго вспоможенія является присутствующею и у племенъ германскихъ, проявляется почти въ тѣхъ же формахъ, какъ и у народовъ славянскихъ. Такъ на ней создаются германскія общества взаимныхъ защитниковъ: напримеръ у Англосаксовъ каждые 10-ть мужей подъ начальствомъ старѣйшины (Hærfold, Baldor) состоятъ между собою въ договорѣ, по которому они обязаны взаимно защищать себя отъ враговъ и помогать другъ другу въ платежѣ виръ, определенныхъ за преступленія. Такой союзъ 10-ти мужей называется Freoþorg, Frþborg; каждый членъ союза Freoþap, Frþap²).

Не находя въ обыкновеніи Славянъ оказывать помощь другъ другу ничего страннаго, при соображеніи со всѣми національными учрежденіями, князь видитъ напротивъ въ немъ вѣрное средство оградить себя отъ убытковъ при несостоятельности преступника и видеть отчасти фактъ, способствующій предупрежденію преступленій. Такимъ образомъ нѣтъ причины, которая бы повудила князей идти противъ этого обыкновенія: имъ оставалось только утвердить силу его своимъ признаніемъ.

Но между тѣмъ вслѣдствіе образованія изъ земель славянскихъ русскихъ княжествъ мы видимъ въ нашемъ отечествѣ возникновеніе всѣхъ тѣхъ явленій, которыя сопровождаютъ подобныя эпохи. Они остаются не безъ вліянія на самый бытъ народа, и русское взаимное поручительство, какъ плодъ этого быта, должно необходимо потерять измѣненія. Реформа, въ немъ произведенная, вышла въ Русской Правдѣ. Излагая состояніе родового быта Славянъ, мы говорили, что родъ въ смыслѣ юридическомъ распадался внутренне на отдѣльные роды; различные члены рода не могли жить постоянно между собою въ согласіи; ссоры и распри родичей отодвигали на время нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ исполненія нравственной обязанности защищать всѣхъ остальныхъ родичей, подавать имъ необходимую помощь; обычай братства слѣдовательно нарушался. Высшей силы, которая бы могла поддержать постоянное его соблюденіе, не было, а одной внутренней было недоста-

точно и так. образом существованіе его обуславливалось случайно-стью: согласно живеть во общество, — оно все возмолвывается на защиту члена; произошли распри, отстало нѣсколько семействъ и эти отпавшія уже не идутъ на защиту личностей, принадлежащихъ семьямъ, имъ враждебнымъ. И на-оборотъ.

Такимъ образомъ чиновникъ князя или даже самъ князь, взявъ виру за преступленія, въ однихъ случаяхъ видитъ, что она платится безъ всякаго затрудненія всѣмъ округомъ, въ другихъ же встрѣчаетъ лица, отказывающіяся отъ участія въ платежѣ ея, затрудняется въ ея полученіи. Нужна мѣра для искорененія этого неудобства.

Съ теченіемъ времени является еще новое обстоятельство, которое подорываетъ тѣсную связь родовъ и такъ обраа. служить еще новымъ препятствіемъ къ постоянному осуществленію идеи о взаимномъ вспоможеніи родовъ. Обстоятельство это есть прямое слѣдствіе призванія Норманновъ.

Князья строятъ города, садаютъ туда намѣстниковъ, снабжаютъ ихъ дружиною, окружаютъ дружиною сами себя, устанавливаютъ нѣкоторыя должности, чиновниковъ. Хотя, разумѣется, всѣ намѣстники, вирники, тиуны, дружинники первоначально никто иные, какъ Норманны, но доступъ къ должностямъ не заслоненъ и для туземцевъ. Такимъ образомъ мы видимъ теперь лица, которые, служа князьямъ, внешне совсѣмъ выдѣлены изъ родовъ. Мы говоримъ внешне, потому что связь внутреннюю предполагать въ настоящемъ случаѣ совершенно разорванною довольно трудно.

Такия явленія возникаютъ преимущественно около городовъ, гдѣ чаще всего верховная власть входитъ въ соприкосновеніе съ подданными. Является теперь необходимость опредѣлить запутанныя отношенія при платежѣ виры между лицами, выдѣлившимися изъ рода, и самимъ родомъ.

И такъ затрудненія, возникающія при взаиміи виры съ перессорившихся родовъ, при взаиміи ея съ тѣхъ родовъ, гдѣ есть лица выдѣлившіяся, — заставляютъ князя изрѣчь такое слово: «*какъ кто во злоумителъ отъ дикую виру, тому людѣ не помогаютъ, но е сами платитъ*».

Теперь уже только тѣ изъ жителей веран (а жители веран, очень вѣроятно полагаютъ, принадлежали къ одному разрозненному роду), только тѣ родичи имѣютъ право на помощь другихъ въ платежѣ виры за свое собственное преступленіе, которые официально договорились съ ними помогать другъ другу въ уплатѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за преступленія, тѣ, которые официально поручились въ этомъ другъ другу.

Такимъ образомъ составились въ молодомъ государствѣ общества взаимныхъ поручителей. И общества эти основаніемъ своимъ одолжены идеямъ, рожденнымъ изъ быта славянскаго, а преобразованиемъ своимъ, характеромъ официальнымъ, получениемъ смысла учрежденія чисто юридическаго одолжены мысли князей норманнскихъ.

Рассмотримъ дальнѣйшія условія этихъ обществъ.

Слова: *«какъ кто не сложится изъ дикую вину»*, даютъ знать, что отвѣтственность общества распространяется только на одинъ случай смертоубійства. Но кромѣ этого всѣ другія статьи Русской Правды, въ которыхъ вервь облагается платежемъ вины, относятся исключительно къ случаямъ смертоубійства: почему? это объяснитъ легко слѣдующимъ образомъ: всѣ преступленія, помеченныя въ Русской Правдѣ, можно раздѣлить на два рода соответственно возрѣвнѣмъ тогдашняго быта, — на преступленія позорныя и преступленія виновительныя, происходящія вслѣдствіе движенія различныхъ страстей, наприимѣръ гнѣва, мести. Къ первымъ относятся разбой, нажитательство гупна, воронство и другіе противуправственные поступки. Мы видимъ это, читая статьи: 27, 28, 30, 32, 33, 34, 37 — 40, 43, 62 — 66, 68, 69, 71 — 78, 80, 106. II. слѣс. Русской Правды изд. Калачова. Ко вторымъ убійство подъ влияніемъ охмѣленія, мести, навесеніе ульчя, ранъ, вызванное обидой или вообще дѣйствіемъ какой-либо виновительной страсти: статьи 18, 19, 20, 22, 24, 25, 60, 61, начальное содержаніе 36 и большая часть статей, въ которыхъ идетъ дѣло о платежѣ вины вервью.

Рассматривая преступленія виновительныя мы видимъ, что одѣкъ изъ нихъ обложены относительно огромнѣйшею виною: такъ нѣкоторыя случаи убійства въ 80, въ 40 гривенъ, другія же преступленія очень незначительною, напр. въ 5, 12, 3 грин. Теперь мы можемъ сказать, что древніе наши взаимные поручители обязываются помогать другъ другу только въ платежѣ вины за такія преступленія, которыя происходятъ или случайно (убійство на пиру), или вслѣдствіе побужденій благородныхъ (месть за обиду, убійство въ спорѣ, на что указываютъ слова: *«обудеть ли стьямъ на разбой «бже велюла свады»*). Слѣдовательно было убійство со свадою, которое обиживалось уже другимъ образомъ, нежели первое.

Но общество не договаривается возмощать разбойнику, вору, нажитателю: оно считаетъ это для себя превратительнымъ, оно хочетъ этимъ оградить себя отъ вступленія въ число его членовъ лицъ, которыя могутъ легко навлечь безславіе ему своими поступками. Но принимая на себя отвѣтственность по преступленіямъ

мажннательный, сопоручители дѣлають новое условіе: держать помощь только тогда, когда ихъ родичъ, ихъ товарищъ подверженъ такой пенѣ, которую онъ заплатить или совсѣмъ не можетъ, или платежъ которой приведетъ его въ развореніе, напротивъ во всѣхъ другихъ случаяхъ для него нѣтъ большой необходимости прибѣгать къ сторонней помощи, нѣтъ причины безпокоить и стѣснять сопоручниковъ. Вира очень значительная является только въ случаяхъ смертоубійства, по-этому вервь (общество) платить только дикую виру. Но есть двѣ статьи въ Русской Правдѣ, содержащія въ себѣ опредѣленіе довольно значительной виры, въ платежѣ которой общество не участвуетъ: 20 гривенъ платится за убійство жены (сп. 2 ст. 21, Р. П. изд. Калачова) и 40 гривенъ (ст. 3 по сп. академич.), 20 гривенъ съ приближеніемъ 10 грив. за вѣкъ (ст. 21. по сп. тропиному и ст. 22 по сп. Карамзиня), за одинъ родъ уличья.

Въ первомъ случаѣ это дѣлается, можетъ быть, потому, что убійство женщины считается дѣломъ предосудительнымъ, особенно если оно совершено какъ разбой, съ цѣлью навлечь изъ убійства матеріальную выгоду. Такой случай совершенно будетъ аналогиченъ съ случаемъ убійства *«во разбой безъ всякаго свады»*.

Но можно смотрѣть на эту статью еще съ другой точки зрѣнія, понимать ее такъ, какъ мы понимаемъ напр. статьи 9, 10, 11, 12, 13, 14 (спис. 2 изд. Калач.), гдѣ содержится опредѣленіе виры за убійства, но не упоминается объ отвѣтственности общества, потому-что она слѣдуетъ здѣсь сама собою, явно предполагается и упоминается совершенно лишнее дѣло. Что же касается до второго случая, то здѣсь само собою отерывается много соображеній, представляющихъ поколебать нашъ взглядъ на учрежденіе дикой виры, какъ на общество людей, соединившихся между собою для взаимной помощи другъ другу въ платежѣ штрафовъ, опредѣленныхъ за убійства, напоминаемъ возрѣніемъ древняго быта Славявъ. Самая единственность такого случая освобождаетъ насъ отъ обязанности указывать такіа соображенія.

Установивъ главное правило, что общество взаимныхъ поручителей беретъ на себя отвѣтственность только по одному роду преступленій — смертоубійству, мы войдемъ теперь въ разсмотрѣніе всѣхъ частныхъ условий, сопровождавшихъ существованіе этого общества и извѣстѣ съ этимъ покажемъ, что рука помощи подается здѣсь только преступнику, совершившему убійство назинительное.

Общество во первыхъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за разбойника, не помогаетъ разбойнику: *«будетъ ли стали во разбой безъ всякаго сооды, то во разбойника люди не платятъ, а во выводу (его) и всею си людемю і си дотли во постокъ и раз-*

«разбойник». Мы знаемъ, что отъѣздъ за разбой виру и введеніе вирѣсто съ потока и разграбленія принадлежать св. Владиміру. Но отсюда мы не имѣемъ права заключить, что до Владиміра общество платило виру и за разбойника. Свидѣтельство летописи о такомъ дѣйствіи перваго христіанскаго князя мы приводили въ доказательство того, что общество, платящее виру за преступленія своихъ членовъ, не есть учрежденіе князей, не есть учрежденіе для дѣлей полицейскихъ, для предупрежденія преступленій, напротивъ мы этимъ доказываемъ, что оно имѣетъ другое основаніе, именно что здѣсь выразилась идея взаимной защиты, братскаго вспоможенія. Странно же послѣ всего этого будетъ намъ думать, что люди, вступающіе добровольно въ такой союзъ, начали бы покровительствовать презрительному промыслу—разбойничеству, условившись бы держать помощь челоуѣку, заглушившему въ себѣ всѣ нравственныя чувства! Если-бы разбой въ нашемъ отечествѣ представлялся въ другихъ формахъ, считался бы дѣйствіемъ похвальнымъ, какъ теперь у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, то дѣло приняло бы совсѣмъ другой оборотъ. Но въ нашемъ быту не смотрѣли на разбой съ такой точки зрѣнія.

Общество принимаетъ на себя количество отвѣтственности соразмѣрно съ большею или меньшею извѣстностью преступленія, съ большею или меньшею случайностію его: если преступленіе совершенно случайно и можетъ быть рѣчь о совершенномъ невмѣлѣніи въ вину, то сопоручители платятъ почти всю виру: «*мо ажи «будеть оубилъ или еъ свадѣ или еъ виру лалено, то тако ему «залати по ерениа (на ряду съ другими) іже ея прикладыають «вирую».* (Сп. 2 ст. 4 изд. Калач.). Здѣсь убійца платитъ столько же, сколько и каждый другой изъ товарищей *).

«*Будеть ли воловникъ мѣъ еъ верем, то занъ къ князи прикла- «дыають, тою же дѣля мѣъ момонати воловнику, любо си дикую «виру; но слати (платити по сп. 3) імаъ еоубчи 40 гривень, а ю- «а количество самому воловнику; а еъ 40 гривень ему залатиати и «еъ дружини свою часть».*

Мы видѣли, что за самое высшее преступленіе «люди не момонаютъ»; за самое извѣстное они платятъ почти всю виру; здѣсь же они отвѣтствуютъ половиной полной виру. Въ первомъ случаѣ преступленіе характеризуется словами: «*безо аслова свадѣ»*, во второмъ «*съ свадѣ лалено»*, въ третьемъ (и замѣтимъ еще особенно, что слова, излагающія опредѣленіе преступленія и количество виру пишутся нераздѣльно съ словами, излагающими другое преступленіе; см. ст. 2 и 3 изд. Калач.) говорится объ немъ неопредѣленно, не упоминается объ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ. Это даетъ

намъ право предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о такомъ преступленіи, которое совершено *вслѣдствіе свадьбы, но не въ самой мнѣ свадьбы, совершенно притомъ «незаконно».*

Если дать силу такому предположенію, то мы можемъ сказать, что преступникъ, совершившій убійство хотя и тайно, но *вслѣдствіе нанесенной ему ранѣе обиды, въ слѣдствіе побужденій мести, безъ всякаго желанія ограбить убитого, осуживается гораздо строже убійцы въ свадьѣ и на пиру.* Однако общественное воззрѣніе смотритъ на его поступокъ снисходительно и отчасти признаетъ за нимъ право на совершеніе его.

Наковонецъ веранники помогаютъ товарищу 9-ю кунами, въ случаѣ если онъ несправедливо оговорить кого-либо въ преступленіи смертоубійства. Почему мы говоримъ въ преступленіи *смертоубійства*—это не требуетъ большихъ объясненій, если упомянемъ, что ст. 16-ю списковъ 2-го и 3-го мы относимъ къ статьямъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о смертоубійствѣ, относимъ на основаніи занимаемаго ею мѣста въ обоихъ этихъ спискахъ и на основаніи уже выведеннаго положенія, что нервъ помогаетъ своему члену платить виры за одно смертоубійство.

Въ слѣдующихъ случаяхъ князь проблески того воззрѣнія на такіе союзы родичей, котораго держались князья и вообще тогдашній бытъ: найдено въ предѣлахъ верви мертвое тѣло. И что же мы видимъ? не хозяйнъ двора, не хозяйнъ земли, на которой оно лежитъ, обязанъ платить виру, напротивъ цѣлое общество. Частное здѣсь исчезаетъ въ общемъ.

Естественно полагать, что это условіе уже не добровольное, что оно вошло въ содержаніе древней круговой поруки путемъ княжеской власти, видящей въ наказаніи бога цѣль фивансовую и потому опасующейся лишиться въ настоящемъ случаѣ дохода отъ невѣстности преступника. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ закономъ преслѣдовалась и другая цѣль — полицейская. *«Аже кто оубіетъ княжа мужа въ разбѣи, а каловника не ищутъ: по вырскую княчипити въ чьемъ же верви солоза лажитъ, то 80 гривень, пакль люадиль, то 40 гривень и.»* (См. 2 ст. 3 изд. Калач.).

«А по костелъ и по мертвецю не платитъ вером (по больш. а части списковъ виры), аже имене не видаютъ, ни знаютъ его.»

Эта статья является не инымъ чѣмъ, какъ дополненіемъ предъидущей, относится къ ней, какъ исключеніе къ общему правилу. Невозможность узвать, кому принадлежать найденныя кости: княжу ли мужу, отщипавшу ли, смерду и т. д. и по-этому невозможность опредѣлить количество виры увольняютъ вервь отъ платежа ея.

Вотъ условія, на которыхъ учреждалось и которыми обставлялось общество взаимныхъ поручителей во времена Русской Правды.

Выводя его основаніе изъ устройства тогдашняго быта, мы отрицаемъ мнѣніе, что отвѣтственность общества за преступленія членивъ, состоящая въ платежѣ виры, вытекаетъ изъ одной мысли кившей о предупрежденіи преступленій. Но разумѣется, мы не можемъ не допустить, что, утвердивъ и преобразовавъ существованіе такихъ обществъ, кивья начали смотрѣть на нихъ какъ на залогъ общественнаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что личный интересъ взаимныхъ поручителей естественно долженъ былъ побуждать къ надзору другъ за другомъ, къ старанію предупреждать преступленія и тѣмъ избавлять себя отъ виры.
